

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Записка Н. И. Лобачевского о типографии Казанского университета.
10 января 1829

Записка о том, что нужно приобрести для университетской типографии.

Матрицы

Русских прямых и курсивных: петита, миттеля, терции и текста.

Латинских прямых и курсивных: петита, корпуса, цицер, миттеля, терции и текста.

Греческих петита, корпуса, цицеро и терции.

Немецких петита, корпуса, цицеро, терции и доппельмиттеля.

Еврейские с точками корпуса и цицеро.

Шрифты

Сирийского терции 1 пуд

Двойного корпуса 1 пуд

Гарта

Для отливки в находящиеся уже матрицы при типографии 100 пуд.

Примечание: В матрицах почитается не нужным брать заглавные буквы латинской и русской азбуки, а предполагается делать пунсоны в Казани, также и пунсоны математических знаков, дробей и т. п.

Хороший выбор матриц может сделать только знаток, наблюдая, чтобы они глубоко были выбиты и не испорчены ржавчиной, как то часто бывает.

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 28.

284

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину
15 января 1829

Милостивой государь

Михаил Николаевич

С нового года стояла здесь ясная и весьма холодная погода, а с 5 генваря морозы сделались еще жестче, так что я не приказал студентам два дня с ряду ходить в народное училище, опасаясь их простудить или заморозить в одних шинелях. Внезапная перемена привела, наконец, оттепель и снег, а теперь снова кажется ворочается прежнее. Метеорологическая обсерватория еще не совсем готова, однако же количество воды можно уже мерить. Инструмент поставлен 4 дня тому назад, т. е[ть] накануне, как должно было выпасть снегу, следовательно наши наблюдения могут счи-таться с первого дня генваря и даже, если угодно, с 15 декабря, потому что во все это время небо было ясное. Мы, кажется, не ошиблись в расчетах: первые опыты с лампой для таяния снега были совершенно удовлетворительны. Остается еще кое-что уладить, добавить после придуманное, а

в особенности нужно весь снаряд покрыть масляной краской, без чего он скоро пропадет от ржавчины, но это неминуемо должно отложить до весны. Гартманом я весьма доволен: он трудолюбив, усерден и свое дело разумеет; немного упрям и много щекотлив, как все немцы, сколько я их знаю, начиная от него до г. Эрдмана и выключая г. Купфера, которого флегма заглушает все, и общие способности всем людям и отличительные того племени, где он родился. Отчета о постройке павильона он давать никак не хочет, отзывааясь тем, что она была окончена в его отсутствие, т. е. когда он путешествовал.

Г. Эрдман еще представил в Совет тетрадь его трудов над Восточной литературой с опытом немецкой поэзии его работы. Название повести «Красавица замка» и содержание не совсем-то отвечает важности годичного университетского собрания, для которого назначается ее напечатать. О поэзии отзывается также не весьма выгодно; но г. Эрдман советов не любит. Впрочем, как все Восточное дорого ценится, охотно принимается по редкости, к тому же сочинение г. Эрдмана обогащено многими филологическими замечаниями, то я полагаю с своей стороны, что издания в свет на казенный счет и от имени Университета Совет затрудняться не должен.

Г-у Эрдману приходится быть цензором всего более своих собственных сочинений. Это бы требовало некоторой оговорки с определением его. Совет своими постановлениями пополняет в этом случае недостаток цензуры. Но почему же на Университете должна лежать обязанность всякое сочинение о восточной словесности печатать на казенный счет и причислять к сочинениям от Университета и для Университета издаваемым. По крайней мере [не разобрано] какого рода должны быть сии труды, по моему мнению, было бы не лишними.

Некоторые находят большое удовольствие для себя видеть свое в печати. К числу таких охотников принадлежит наш Рыбушкин. Первый листок прибавлений к Вестнику начат с стихов на новый год сказанного сочинителя. Политические статьи кажется придаст[sic] много занимательности для города. Сиротский наш Вестник авось будет лучше, потому что мы хоть насильно делаем его известнее, рассыпая даром; а в известности творения и самые творцы будут попечительнее. План Вестника так обширен, что журнал не иначе может становиться лучше, как получив одно только из направлений под искусственным и достойным руководством, следовательно, усовершенствование долго еще будет оставаться при своем начале.

Может быть с уставом учебных заведений, с отчуждением Сибири, а в особенности с Уставом университетов, дозволено будет профессорам более заниматься ученостию и снискивать славу на сем поприще, а не в канцеляриях и с отчетами.

Бухгалтер [В. А. Ляпунов] спешит и не чает успеть к сроку. До окончания отчета принуждены мы отложить поверку записанного по кабинетам в прошедшем году; да и впредь делать тоже.

Студенты ведут себя, как нельзя лучше: ни малейшей шалости. О библиотеке скоро представлю Вам ученое исследование Фойгта. Мы рассуждаем с ним о сажене. Много хорошего сделать невозможно. Каталог доведен почти до 7000 номеров. За сей работой другие потребуют каждая много времени, терпения и трудов.

Не испытывая более Вашего терпения и не отнимая у Вас более времени, которое Вы умеете посвящать трудам, я оканчивая письмо засвидетельствованием Вам отличного моего уважения, с которым и всегда буду называться,

Милостивой государь,
Вашим покорнейшим слугою
Николай Лобачевский

1829 Генв[аря] 15.

Помета М. Н. Мусина-Пушкина: «25 генв[аря] 1829».

Геометрический кабинет имени И. И. Лобачевского при Казанском университете,
№ 7.

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину
17 января 1829

Милостивой государь
Михаил Николаевич

Правление представляет длинное описание того, что им по требованию ревизующей Комиссии до сих пор было сделано. Мы были довольно с нею терпеливы, хотя могли видеть, на каких правилах с нами поступают. Теперь уже слишком далеко простирается ее неблагонамеренность и слишком обнаруживается желание принести нас в жертву. Она думает, что с ее изворотами останется в стороне и что никогда не будет принуждена оправдывать себя, лишь бы не переставала обвинять нас. Настает время обратиться к Вам. Я припоминаю, что Вы мне сказывали, будто отклонили от себя принять председательство в Комиссии, предоставив себе право защищать нас. Мы нуждаемся в этом покровительстве уже давно и прошли Вас о нем, когда изъясняли, сколько обременительно давать ответы по насыляемым вопросам Комиссиею; что Канцелярия Правления недостаточна и при обыкновенном ходе дел; что с учреждением Комиссии не вздумали увеличить числа чиновников в Университете; что, кроме сего недостатка, явная несправедливость обременять нас и их очищением дел, запущенных другими; наконец, что Комиссия во зло употребляет обязанность нашу давать ей объяснения и что она, кроме случаев недоразумения своего, наглым образом заставляет нас работать вместо себя, требуя составления ведомостей, разных выписок из дел, чтобы могла